

Личность в контексте культуры

ЛИЦА ФЭНТЕЗИ*

(Перевод с английского Алексея Лисогора)

Диана Паксон [Diana Paxson]

Я верю, что магия – реальна.

Я также верю, что наша реальность – волшебна: странная, необыкновенная, многозначительная и, одновременно, многое объясняющая, подобно любым грезам и видениям, изложенным на страницах книг-фэнтези. Но наша реальность не превращается в «магический реализм», как мы обычно называем эту форму, которая всегда поражала меня не только своей глубокой «сюрреалистичностью», но и еще чем-то более глубоким, что можно было бы, наверно, назвать «суровым-фэнтези». Ведь в наших головах совершается реальная работа магии, но не по мановению волшебной палочки, а выдумывание историй-фэнтези использует наш ум почти таким же способом.

Как и сочинительство книг, магия предстает во всей своей красе только тогда, когда она появляется легко и свободно. Но в обоих случаях такая свобода и легкость является результатом большой практики, мастерства писателя и его осведомленности о строгих правилах и принципах своего ремесла. Я не назову все это сухими словами «Законы и Правила», границы которых, во всяком случае, могут быть нарушены при усло-

* The Faces of Fantasy. N.-Y., 1996. Окончание. Начало: Развитие личности. 2005. №1. С. 221–232; №2. С. 233–240. №3. С. 224–246; №4. С. 199–207; 2006. № 1. С. 212–226; №2. С. 237–247; № 3. С. 244–249; № 4. С. 238–244. Составитель Терри Уиндлинг. Фотографии Патти Перри.

вии, что вы сами понимаете свои действия. Функция всех этих правил и принципов – только направлять вас в определенном направлении.

Кроме того, концепция этих принципов применима для фэнтези и в нижеследующем.

Если вы еще раз перечитаете старые сказки, то заметите в них очень строгую этику. А в более широком смысле, когда вы перечитываете фэнтези, то происходит по сути то же самое. Если научная фантастика заявляет о себе как о «литературе идей», то фэнтези можно было бы назвать «литературой этик». Сегодня мы уже отказались от настойчивого дуалистичного утверждения, что персонажи книг должны быть или абсолютно плохими, или абсолютно хорошими, и пришли к пониманию, что фундамент фэнтези – это конфликт между добрыми и злыми *силами*. В фэнтези вы не сможете категорически сказать, что отличаете эти силы друг от друга, но, тем не менее, очень важно на чью сторону вы встанете.

Сочинение исторического фэнтези, на которое я ориентировала свое творчество в последние несколько лет, осложняется тем фактом, что действие сюжета разворачивается в нашем собственном мире, но я уверена, что люди, которые жили в другие времена, были так же озадачены происходящими событиями в своих эпохах, как и мы в наше собственное время. В древних эпосах главный герой обычно погибал, но его смерть не только не считалась трагедией, но, наоборот, была победой, потому что он знал, *за что* он борется и какой цели служит его смерть. Я и стараюсь сочинять такое историческое фэнтези, в котором пытаюсь обнаружить некий образец в суматохе жизней моих героев.

Если взглянуть в социально-историческом ракурсе, то это похоже на мое искание магии и волшебства в нашем «реальном» мире: ведь это так естественно для человека (а, может быть, и его назначение) пытаться *понять* свои познания о мире. Способность воспринимать чудеса начинает пробуждаться в человеке только тогда, когда он начинает понимать, что все набитые им шишки в самом деле имеют под собою смысл и что наш мир совсем не скучен, уныл и безрадостен, а полон магии, волшебства и смысла.

Произведения: «Ворон и волк» [«The Wolf and Raven»]; «Драконы Райна» [«The Dragons of the Rhine»]; «Повелитель лошадей» [«The Lord of Horses»] и др.

Гарри Килворф [Garry Kilworth]

Я не был бы одаренным богатым воображением писателем, если бы хотел знать, откуда ко мне приходят мои идеи; в таком случае я был бы ученым. Всю свою жизнь я провел в грезах, мечтах и фантазиях, из которых и рождались мои рассказы. Меня не интересует, откуда приходят ко мне грезы, зато мне очень интересно помочь им вырасти и расцвести в нечто необычное, в некую необыкновенную и удивительную сказку о волшебстве и тайне. А если вы спросите ученых, откуда они берут свои идеи, то они, наверно, смогут ответить вам, что большую часть своей жизни они провели в грезах, мечтах и фантазиях, из которых и родилось нечто необычное, некое необыкновенное и удивительное открытие или изобретение. И очень вероятно, что и писатель, и ученый лелеяли одну и ту же фантазию, только у одного она превратилась в чудесную сказку, а другой воплотил ее в удивительную машину, – одно фантастическое, а другое реальное.

Произведения: «Охотничья луна: история о лисах» [«Hunter's Moon: A Story of Foxes»]; «Страна волшебных вод» [«Witchwater Conuntry»]; «Часы с глухим ботом» [«Hollow Clocks»] и др.

Гордон Диксон [Gordon R. Dickson]

Люди должны быть людьми и делать то, что должны делать.

Но когда хороший сказочник помещает их в такую невероятную ситуацию, в которую раньше они никогда не попадали и даже не предполагали о таком варианте развития событий, то тогда в этом уникальном и необыкновенном сказочном свете люди начинают проявлять все свои истинные качества.

В конечном счете рассказывание сказок – это высшее искусство в литературе, но только при определенных условиях: если, во-первых, история будет являться неотразимой, как история, а во-вторых, если в ней будет предусмотрена возможность для появления или свершения чего-то еще другого; и все это для того, чтобы мы смогли бы отыскать в классической литературе такие так хорошо рассказанные приключенческие произведения, в которых отражались бы некоторые реальные и наиболее важные элементы индивидуальности отдельно взятого человека и человеческого общества в целом.

Произведения: «Дракон и Георг» [«The Dragon and the George»]; «Рыцарь дракона» [«The Dragon Knight»]; «Дракон на границе» [«The Dragon on the Border»] и др.

Маделина Л'Энгли [Madeleine L'Engle]

Из главы «Храните часы заведенными» книги «Прогулки по воде» [«Walking on Water»]:

«Однажды в деревню пришел знаменитый мастер-часовщик. Люди столпились вокруг него и умоляли его починить все их сломанные часы. Часовщик обошел каждый дом и очень долго осматривал все испорченные кусочки времени, а затем объявил, что он берется починить часы только у тех людей, которые хранили их заведенными, потому что только эти люди могли помнить, как хранить время.

Поэтому мы должны хранить свои вещи заведенными: то есть мы должны продолжать молиться, когда наша молитва суха и холодна; и мы должны продолжать писать, даже несмотря на свою физическую усталость, тяжкий груз на сердце и боль в теле.

Мы не всегда сможем добиться точного хода наших «часов», но, по крайней мере, мы сможем поддерживать завод в них с тем, чтобы не забыть их».

Произведения: «Ветер в дверях» [«A Wind in the Door»]; «Складка времени» [«A Wrinkle in Time»]; «Стремительная планета» [«A Swiftly Tilting Planet»] и др.

Терри Брукс [Terry Brooks]

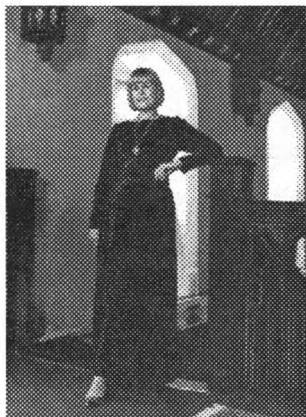

Фэнтези дает мне возможность взглянуть на нашу реальность не совсем обычным взглядом. Лестер дель Рей, мой редактор, старался всегда доказать, что фэнтези – это самый трудный жанр литературы, потому что он должен быть наиболее реалистичным из всех. Он имел в виду то, что если читатель при чтении книги не сможет отказаться от своего неверия и принять для себя возможность существования этой истории, то в таком случае автор напрасно писал ее. И он был прав в своей оценке фэнтези, как я впоследствии понял это. Большая часть моих книг, говоря образно, – о нашем собственном мире. Почти все свои сюжеты я почерпнул из газет, а перенося действие в какой-то другой мир, я могу посмотреть на них уже новым взглядом и, возмож-

но, уже в новой перспективе донести их до читателя. При этом я преследую две цели: первая – рассказать хорошую сказку, вторая – заставить читателя задуматься о своей собственной жизни.

Произведения: «Меч Шаннары» [«The Sword of Shannara»]; «Черный единорог» [«The Black Unicorn»]; «The Taugle Box» и др.

Кэтрин Куртц [Katherine Kurtz]

Если на протяжении всей моей четвертьвековой работы в качестве писателя можно проследить хоть какую-то одну постоянную тему в моих книгах, то, вероятнее всего, это будет вопрос о «любых различиях», причем неважно, является ли это «различие» или ошибочным, или плохим, а если сказать коротко, то вопрос о природе возникновения и возможных последствиях слепого предубеждения, не основанного на фактах. Перспектива – фэнтези может ослабить любую грозящую угрозу таких вещей, которые могут встать перед читателем – в конце концов, они не «реальны», но все равно семя уже брошено в почву. Или, быть может, этот процесс уже хорошенько размешал весь этот материал в уме читателя. А может, то и другое одновременно.

В этом отношении я очень люблю возвращаться к своим студенческим годам, когда я обучалась на химика, и думать о себе, что сейчас я сама представляю из себя некий катализатор: я не участвую непосредственно в процессе, – в конце концов, я даже не присутствую рядом с читателем, когда он читает мою книгу, – но зато я обеспечиваю ему такие условия, в которых он может обдумать все возможные варианты. Я не полагаю, что мне удастся что-то изменить в уме читателя, но я все же надеюсь, что мне удастся раскрыть у него способности...

Произведения: «Правосудие короля» [«The King's Justice»]; «Dexyni Rising»; «Camber of Culdi» и др.

Стефан Лоухед [Stephen R. Lawhead]

Я верю в могущественную силу мифа, который осуществляет наши жизни и освещает нашу общую стезю. Мифы, которые мы сегодня воспринимаем через многие поколения, являются, к несчастью, часто такими засаленными и затасканными, что они полностью потеряли свою силу. Я обнаружил, что как писатель я сначала потратил уйму своего времени и своих усилий на

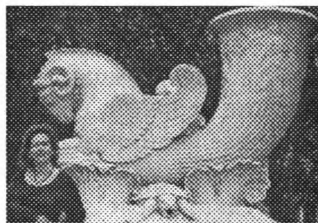
поддержание мифического духа в своих историях, а затем на восстановление его формы и его сути с тем, чтобы присущая мифу могучая сила вновь обрела былую мощь. В своем стремлении следовать лучшим традициям «Matter of Britain» это был мой важнейший интерес, который я осуществил в своих пяти книгах «The Pendragon Cycle» и в трилогии «The Song of Albion».

Временами меня спрашивают, почему я так настойчиво вставляю духовное измерение в свои произведения. Я ответил, что я просто возвращаю назад и ставлю на место те элементы, которые другие писатели из-за своего невежества, слабого мастерства или просто преднамеренно так часто не вставляют в свои книги.

Мифы и легенды показывают нам, кем мы являемся и чем мы можем стать, а еще указывают на все ловушки и западни, подстерегающие нас на всем пути к месту нашего назначения. Мы – странники в своем духовном путешествии. И на нашем пути есть надежные проводники, которые дружелюбно помогают нам преодолеть весь этот путь – если, конечно, наши глаза открыты и если горят наши сердца.

Произведения: «The Pendragon Cycle»; трилогия «The Song of Albion»; трилогия «The Dragon King» и др.

Эстер Фрешнер [Ester M. Friesner]

Если бы я начала припоминать какой-либо аспект моего творческого процесса, то, вероятнее всего, я бы вспомнила сразу же какой-то «смешной случай». Это как раз по мне. В нашем тягостно-тяжелом и еще более часто нелепо-смехотворном мире именно смех является великим лекарем и утешителем. В его власти сделать нас не только чувствительнее к состоянию других людей, но и заставить нас сперва задуматься и переоценить определенные культурные ценности, а затем осознать идущие из глубины веков все социальные несправедливости и – я надеюсь – исправить их.

У юмора есть такая власть над нами, что многие люди просто-напросто боятся его и всеми правдами и неправдами отрешиваются от него, как от простого дурачества. Для них становится удобным «забыть», что короли прошлого всегда держали при себе шутов не только за их шутки, шалости и проказы, но и ради их мудрости, проницательности и интуиции.

Сказав вам все это, я буду очень счастлива и горда тем фактом, что останусь в памяти людей за тот смех, которым они смеялись, когда читали мои книги.

Конечно, если меня будут помнить не за смех, а за какую-то другую грань моего творчества, то тогда в дураках останусь я.

Произведения: «Вчера, когда мы видели русалок» [«Yesterday We Saw Mermaids»]; «Колыбель из волшебного дерева» [«Witchwood Cradle»]; «Harpy High» и др.

Джейн Фенчер [Jane Fancher]

Когда Пэтти сказала: «А попробуйте встать у лестницы», то моей первой мыслью было: «Почему здесь, а не у полок с книгами? Почему не у аквариума? Не в другом каком-то месте интерьера дома?» Но затем я подумала: «Но ведь Пэтти – художник и мастер своего дела, и это ее книга, ей виднее, так что молчи и делай все, что она говорит».

Очевидно Пэтти знала сразу же, что хочет: два-три снимка при неярком рассеянном освещении, что мы и сделали с ней. Позднее, когда я засыпала вечером в своей постели, в этом туманном царстве между сном и явью, где так ярко проявляются правда и истина, меня посетила третья мысль: «А ведь мои истории пришли ко мне не из моей домашней обстановки, не из книжных полок... и даже не из аквариума с рыбками. Все мои поиски-изыскания, весь мой жизненный опыт и все мои познания о мире, вся моя интуиция и пронизательность стали только тогда моими книгами, когда прошли через уникальное волшебное сито – через меня.

Рассеянное, не совсем четкое понимание и осознание моих мыслей – вот, что это было со мной тогда.

И (продолжала я думать) именно здесь, в моей спальне, куда ведет эта самая лестница, я впервые встретила сердца и души своих книг – их героев. (По-видимому, они жили в этом вышеупомянутом царстве на пороге сна и яви.) Вниз по лестнице и налево – мой компьютер и книги, этот источник плоти и крови моих историй. Направо – входная дверь, за которой скрывается наша Объективная Реальность, где живут сотоварищи по работе – читатели, которые дают моим историям результат и успех.

«Итак, – спрашиваю я себя, лежащую в темной комнате пока без сна, – где здесь место для магии? Где технические диковинки научной фантастики?». И я по-

няла, что все эти элементы и являются тем самым уникальным зеркалом, которое я использую для отображения в нем человеческой природы, но в слегка необычной перспективе, ведь мы смотрим в это зеркало под таким углом, который помогает нам посмотреть прямо в лицо правде, которая в свою очередь, с одной стороны, может быть очень болезненной при личном осознании ее, а с другой – слишком далекой от личного понимания. Через такое взаимное сопоставление, но с помощью не волшебной, а очень реальной силы мы научились бы быть менее подозрительными, чуточку менее испуганными и не таким стыдливими детьми – и еще чуть-чуть более возбужденными от осознания своих возможностей.

В конце концов, решив, что эти мои рассеянные мысли не так уж и плохи, я перешагнула через этот порог.

Произведения: «Gronndties»; «Uplink»; «Gate of Ivrel: Claiming Rites» и др.

Челси Квинн Йарбро [Chelsea Quinn Yarbro]

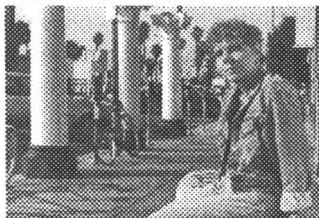
Не слишком вдаваясь во все достоинства лучшего фэнтези, скажу, что оно не слишком часто привлекает меня к себе. *Скверное* фэнтези, с другой стороны, интригует адскую часть моей натуры. И я предполагаю, что мои читатели лучше всего полюбят именно те мои истории, которые я написала именно под воздействием этого чувства, а не те, которые родились только лишь из одного моего профессионализма. Особенно я люблю заниматься сопоставлением героев и персонажей мифов и легенд с нашим реальным миром, а если это бывает возможным, то вдобавок пытаюсь по ходу действия перевернуть их вверх тормашками, вывернуть наизнанку, а то и поставить их задом наперед, спиной к сюжету, как и случается, очевидно, в моих разнообразных исторических романах-ужасниках. А еще мне нравится экстраполировать свои выдуманные нереальные конструкции в новую, базирующуюся на реальности окружающую обстановку, как, например, я сделала это в своей книге «Ariosto». Но все это не означает, что я ограничила себя только рамками жанра фэнтези – я начала писать и при этом прыгать из жанра в жанр 20 лет назад, и с тех пор эти прыжки вошли у меня в привычку.

Почему я делаю это? Я пишу, потому что я не могу себе представить, – а я имею очень яркое и живое вооб-

ражение, – что я занимаюсь еще чем-то другим (исключая сочинение музыки).

Произведения: серия «Ogilvie, Tallant & Moon»; the Saint – Germain sequence; Atta Olivia Clemens books и др.

Барбара Хэмбли [Barbara Hambly]

Для меня труд писателя – это способ пережить Время и расстроить все его планы. По образованию я – историк, поэтому я очень люблю все прошедшие времена и эпохи с их тайнами и загадками, ведь историческое исследование – это способ увидеть все места такими, какими они были до моего рождения. А с другой стороны, литературный труд – это способ проникнуть во временной поток моей собственной жизни и превратить в драгоценные камни все те вещи, которые я хочу сохранить навсегда в своей памяти, – например, как выглядел тот мальчишка, в которого я влюбилась своей первой любовью, или же, как прекрасны были мои любимые лесные тропки, по которым я любила гулять в своем беззаботном детстве и которые теперь поглощены разросшимся за последние 20 лет городом.

Где-то в глубине моей головы есть некая комната-гримерка моих героев, о которых я рассказываю свои сказки со своего 12-летнего возраста. Когда мне в голову приходит очередная идея, то я сразу же заглядываю в эту гримерку и начинаю проводить кастинг среди ее обитателей в поисках того, кто наиболее лучшим образом подходил бы к очередной моей истории, и затем выбираю его на главную роль.

Я знаю только одного человека во всем мире, который уже с четырех лет знал, кем он хочет быть. Этот человек – я сама. Я пишу книги – это и мое любимое занятие в жизни, и способ заработать себе средства на жизнь. Время от времени я пишу очень толстые романы, которые, я знаю, на вполне законных основаниях не пригодны к изданию; я пишу их просто ради своей забавы и развлечения. Раньше все говорили мне, что я, будучи писателем, не смогу заработать достаточно денег себе на жизнь, а я сама потратила очень много лет, пытаясь постичь, что я *могу* заработать себе на жизнь той работой, которая в придачу позволила бы мне быть писателем. Я очень рада, что все те люди были неправы.

Произведения: «Те, кто охотится в ночи» [«Those Who Hunt the Night»]; серия «Windrose»; «Невеста крысиного бога» [«Bride of the Rat Got»] и др.

Денис Маккиернан [Dennis McKiernan]

Мне всегда было известно, что любой рассказ получает свою *энергетику* от сюжетного конфликта, вызова или опасной ситуации, но до тех пор, пока я сам не начал писать, я не совсем полностью представлял себе, что он получает свою *суть* от заложенной в него философии. Как и энергетика в паре с сутью, так и сюжетный конфликт наряду с философией выдумывают жизненную сущность мира рассказа... но если один из этих решающих факторов будет по какой-то причине упущен, тогда в результате получится всего лишь полусформированный «мир». Подобно философским «инь» и «янь», энергетика и суть рассказа тоже превращаются друг в друга и обратно: сюжетные конфликт и вызов проистекают от лежащих в основании правд и истин, которые в свою очередь раскрываются как следствия конфликта и вызова, а фундаментальные вопросы происходят из обоих этих понятий. Какое же счастье найти в талантливо написанном рассказе энергетику и суть, каждое из которых является сверкающим бриллиантом с заключенной внутри него полностью сформированной вселенной!

Произведения: «Глаз охотника» [«The Eye of the Hunter»]; «Dragondoom»; «Caverus of Socrates» и др.

Тим Пауэрс [Tim Powers]

Начиная с 11-ти лет, я читал любую попавшую мне в руки книгу научной фантастики и фэнтези. Впоследствии, где-то начиная с 20-летнего возраста, я начал читать более широко, и, вероятно, из сотни прочитанных мною в этом году книг только пять или шесть были по научной фантастике и фэнтези, – но глубоко отпечатанные в моей голове понятия *качественной истории*, которые я впитал в себя на протяжении тех лет, когда я слепо читал книгу за книгой, оставались моим прочным основанием; и я уверен, что доживи я до ста лет, я все равно не смог бы задумать такой сюжет, в котором не было бы вампиров, путешествий во времени, орбитальных станций-поселений или фотографий из старого альбома, которые в три часа ночи оживают и начинают петь отвратительные песни.

Большая часть моих книг – это фэнтези, которое в глазах нашего реального мира имеет огромное преимущество перед строгими рамками научной фантастики, ведь в конце концов любое событие научной фантасти-

ки, по крайней мере, *может* произойти рано или поздно, в то время как все «заманушки» фэнтези – привидения, призраки, говорящие животные, волшебные колечки и старые боги, которые действительно являются старыми, – являются, очевидно, всецело выдуманными. Я убежден, что все те вещи, которые отвечают правилам историй-фэнтези, должны быть на первый взгляд даже более правдоподобными, осязаемыми и выровненными до понятий реального мира, чем все остальные события и элементы «традиционной классической» литературы. Поэтому, быть может, я не зря читал ее подряд.

Произведения: «Ворота Анубиса» [«The Anubis Gates»]; «Завершающее время» [«Closing Time»]; «Окончание срока» [«Expiration Date»] и др.

